

№ 135  
В помощь агитатору

Серия для громких читок

ЮРИЙ СМОЛИЧ



# БЕССМЕРТИЕ



О г и з

Мухометовское Областное Издательство

1943



Отв. за выпуск *Р. Имас.*

Сдано в набор 27 августа, подписано к печати 21 сентября 1943 г. Формат 60×92<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Объем 0,5 печ. л. Издат. № 152. Тип. обл. изд. газ. „Звезда“. г. Молотов, уг. ул. М. Ямской и 25 Октября, 27. Зак. № 4616.

ЛБ18448.

Тираж 25000

Цена 30 коп.

В Тывровском лесу на полянке умирал партизанский командир—Христя.

Боевые дела неугомонных тывровских партизан широко известны не только на самой Тывровщине, но и далеко за пределами Подолии. Тывровские лесовики под командованием товарища Б. пускают под откос немецкие эшелоны, взрывают мосты, поджигают цистерны с горючим. И каждому подолянину, да и самой оккупационной власти на Подолии, прекрасно известно, что «товарищ Б» не кто иной, как Христя — в мирное время телеграфистка станции Комаровка Христина Николаевна Бокальчук.

В отряде Христи никогда не бывало более тридцати партизан. Большой партизанский отряд так или иначе должен был бы превратиться в крупную военную единицу—с обозами и службами. А маленькому партизанскому отряду легко скрываться в лесах и ярах, а то и раствориться среди населения, чтобы внезапно возникнуть там, где его никак не ждали, и причинить оккупантам больше вреда, чем это смогла бы сделать воинская часть. Вот потому Христя отлично знала свои резервы в селах и местечках истерзанной Подолии, но никогда не держала при себе больше трех десятков бойцов.

За шесть месяцев свыше полуста операций выпол-



нила Христа со своим отрядом. Всегда впереди, всегда во главе—и до сих пор оставалась невредимой.

Но вот подкосил ненавистный враг неуязвимую Христю. Осколком мины перебило ей обе ступни, пуля раздробила колено, другая пробила живот и в теле Христа разлился антонов огонь. Партизанский врач—студент винницкой зубоврачебной школы Яша Шлейман—констатировал газовую гангрену и общий сепсис и определил Христе для умирания два дня.

Христия лежала на полянке—синее небо нависло над нею шатром, солнце согревало холодеющие ноги, ветерок охлаждал пылающий лоб, и столетние грабы стояли нерушимой стеной. А ближе, тесным кругом столпились тридцать партизан; они сняли шапки, склонили головы и слушали последнее слово умирающего командира. Были среди партизан и могилевские виноградари, и днестровские рыбаки, и жмеринские железнодорожники, и надбугские землекопы, и гниванские сахарники, и винницкие студенты, и межировские горшечники, и немало земледельцев из долин. Ближе всех, держа Христину руку, стоял на коленях пайгородский химик по сахароварению на заводе имени Третьей пятилетки Тимофей Гопта, в мирное время Христин жених, а в партизанскую годину—начальник штаба и адъютант.

Правой рукой Тимофей Гопта нежно гладил стынущие пальцы Христа, левой машинально поправлял под ней плащ-палатку и подтыкал сено, потому что лежала Христия на ложе из твердых динамитных ящиков.

Сахарный завод имени Третьей пятилетки пустили только три года назад,—это был один из первых гигантов третьей сталинской пятилетки, возведенных на Подолии на благо и богатство украинского народа. Его возводили собственными руками подольские земледельцы, виноградари, горшечники и рыбаки. Сахарный завод имени Третьей пятилетки был чуть ли не самым большим на всю Подолию.

Тывровские партизаны решили пустить прахом свой труд, свое благополучие, свою гордость. Из тридцати по меньшей мере пятнадцать работали на сахарном заводе землекопами, арматурщиками, плотниками или монтажниками. А в сезон чуть ли не все тридцать либо подвозили свеклу, либо заправляли центрофути, либо сбрасывали меляс.

Теперь Тимофей Гопта уже трижды разрабатывал план захвата и уничтожения сахарного завода. По первоначальному замыслу это должна была быть простая диверсия: взорвать динамитом завод поручалось небольшой группе партизан. Немцы пронюхали об этом и повесили подрывников. В другой раз сами рабочие готовились сломать машины и поджечь корпус. Но немцы раскрыли заговор, расстреляли главарей и своевременно предупредили пожар. Тогда решено было совершить партизанский налет—изрубить стражу и забросать машинное отделение гранатами и бомбами. Немцы выставили пулеметы и минометы—приняли и выиграли бой; сахарный завод имел слишком большую охрану—в несколько сот человек. В этом бою и полегла Христия. Партизаны едва успели подхватить раненую Христю и унести ее в лес.



— Хлопцы! — произнесла чуть слышно Христя.  
— Слушайте меня все. Слушай меня и ты, Тимофей.

Партизаны зашевелились и пододвинулись ближе. Тимофей поднял голову и приблизил ее почти к христинным губам.

— Умираю, — улыбнулась Христя. — Прощайте, дорогие хлопцы, не увидимся никогда, потому что нет, к сожалению, ни того света, ни рая, ни ада, ни самого бессмертия. Но живите, хлопцы, пока немец живой. А уничтожьте немца, освободите Украину, тогда можете и умирать, только сперва народите детей. Чтобы было кому опять создать советскую жизнь...

Христе тяжело было говорить, — она задыхалась на каждом слове.

— Умираю, — еще раз сказала Христя, — но, пока туман в голову не зашел, должна я и по хозяйству распорядиться. Наклонитесь ко мне, голосу не хватает...

Партизаны стали на колени и склонили головы к ее лицу.

— Первым делом, — сказала Христя, — должна я вместо себя назначить вам командира. Назначаю Тимофея Гопту. Слышишь. Тимофей, сердце мое? Назначаю тебя командиром, ибо знаешь ты в наших лесах каждое дерево, носишь голову умную на плечах и владеешь искусством командира. А еще потому, что свирепый ты будешь к немцу за мою преждевременную смерть, за разбитую любовь, и в люто-сти своей будешь самым лучшим мстителем нашего истерзанного, замученного народа.

Христя обессилела и закрыла глаза. Грудь ее вздымалась часто и коротко, дыхание с хрипом вырывалось сквозь стиснутые зубы. Губы Христины как будто стали короче и не могли уже прикрыть оскал зубов. На висках засинели впадины, обозначились скулы, заострился нос.

Партизаны молчали в ожидании. Тихо было вокруг, только ветерок шелестел листьями по верхушкам грабов.

— Второе дело, — вымолвила Христя, отдохнув, — решила я перед смертью предаться немцам... Пусть похоронят в одной могиле с собой...

Зашумели в партизанском кругу, зашуршали кобыты по сухой лесной траве. Партизаны вскинули глаза на лицо Христи, и тяжелый вздох вырвался из тридцати грудей.

— Бредит... — прошептал кто-то позади, едва слышно.

Но у умирающих слух острее, и Христя услышала шепот.

— Не брежу я, — тихо ответила она, — а говорю в твердой памяти и ясном разуме: предамся немцам и пусть Тимофей тотчас же застрелит того, кто возразит мне хоть единым словом.

Партизаны притихли, только дыхание стало чаще, и смотрели они теперь не в землю, а прямо в лицо Христе. Шесть месяцев вела их Христя, коммунистка с 1933 года, первый на Подольи Ворошиловский всадник и стрелок, депутат Совета трудящихся, стахановка-телеграфистка.

Христя снова усмехнулась и попросила доктора



дать кислой воды. Яша Шлейман подал ей манерку с отваром из диких яблок. Христя глотнула и заговорила громче:

— Эй, Тимофей, отбери сейчас хлопца, который и в одиночку легко пойдет на смерть, и пошли его с запиской на наш сахарный завод к начальнику немецкого гарнизона, обер-лейтенанту фон-Мильктаубе. Пиши!

Тимофей Гопта не шевельнулся.

— Пиши! — звонко сказала Христя, — пиши, пока я еще не умерла и пока я твой командир...

Глаза Тимофея потемнели, а лицо побелело. Яша моргал ему, и все поняли эти знаки: Христя бредит, женщина умирает, не волнуй ее, — такова врачебная этика у лежа умирающего. Но Тимофей Гопта не шевельнулся, — даже любимой женщине, даже умирающей не мог Тимофей Гопта потакать в измене. Пусть умирает честно, как честно прожила свою жизнь.

— Глушый! — сказала Христя тихо, — не измена это, а только маневр. Пиши... И Христя тихо, прерывая и запинаясь, продиктовала.

Лейтенанту фон-Мильктаубе.

Пишу вам, лейтенант, я, атаман Христя, «товарищ Б.». В последнем бою вы меня сильно ранили и я теперь небоеспособная. Больше не поднимется моя рука против немецкой власти. И не только оттого, что нет у меня сил на бой, а еще потому, что прокляла я свою партизанскую жизнь. Бросили меня партизаны в лесу, одну, как ненужную, догнивать от тяжелых ран. Остался при мне только один верный

человек, которого я посылаю к вам. Зла я на моих прежних товарищей и хочу отомстить им за нечеловеческое отношение ко мне, бывшему командиру. Выдам вам, лейтенант, все наши стежки, все наши укромные места и все наши планы — если заберете меня из лесу и дадите умереть среди людей и человеческой заботы. Посланец проведет вас.

Пригвожденная к смертному ложу

тыровский атаман Христя — «товарищ Б».

Шопот снова прошел среди партизан. Кто-то тяжело вздохнул, кто-то невесело усмехнулся.

— Не поверит! — сказала сразу несколько голосов.

— Не поверит! — подхватили остальные, и все враз заговорили, почувствовав от этих слов облегчение. — Не поверит. Не пойдет. И посланца убьет.

— Посланца убьет, — сказал Яша, — а сюда все же придет, только со всем своим гарнизоном — догадается, что засада. Не трудно и догадаться. — Но Яша сразу вспомнил о своих обязанностях врача и слохватился. — Но ваша воля, Христина Николаевна. Приказ командира и воля умирающего — закон...

— Верно, — улыбнулась Христя бледными губами. — Не поверит. Может и посланца убьет. Может и сам не придет на свиданье. Но людей пошлет. И пошлет целый гарнизон, догадается ведь, что засада. Не трудно и догадаться...

Партизаны смолкли, поглядывая то на Христю, то на Тимофея Гопту, то на доктора.

— Что ж, — сказал кто-то рассудительно, — Христя планирует дельно; лучше заманить немцев сюда



и тут дать им бой, на лесных тропках, чем там, на голом месте у сахарного завода.

— Дельно! — поддержало несколько голосов. — В лесу тридцать и против трех сотен потянет.

Но Христя остановила всех движением ресниц.

— Другой у меня, хлопцы, план. Пошлет лейтенант сюда в лес половину, а может и две трети гарнизона, вот на заводе и останется наполовину меньше, чем в прошлом, чтоб его и не поминать, бою. Останется на сахарном заводе возможно с полсотни фрицев. Без пулеметов, потому что все пулеметы заберут для боевой охраны в лес. Может, минометы только оставят. А их два на заводе. Разве нам впервые против полусотни фрицев и двух минометов идти? В лоб ударите, с флангов по пулемету — и сахарный завод наш: взорвете его и разнесете прахом.

— Это верно, — откликнулось несколько голосов.

— А ты как же, Христя? — спросил кто-то робко.

Христя передохнула и тихо сказала:

— Христе осталось жить до вечера, может быть до утра... Что ж мне, так и умирать барыней на пуховиках? Не поже это партизанскому вожаку! Вы сами выбрали и поставили меня командиром, должна я перед вами до смерти остаться бойцом! — Христя еще раз передохнула и добавила еще тише:

— Ну, придут. Ну, глянут на мой труп. Ну, порубают мертвые кости...

Все молчали. Тимофей Гонта тихо заплакал. Христя через силу подняла руку и положила ее на голову Тимофею.

— Ну, а вдруг ты не умрешь, — вырвалось у

кого-то, стоявшего позади. Христе тяжело было говорить. Она утомилась. Теряя силы, прошептала чуть слышно:

— Ну и не умру. Так живой меня возьмут. Вы что, в твердости моей не уверены? Бойтесь, пыток не перенесу? — Из последних сил Христя улыбнулась. — Разве я слаба духом? Разве я предатель? За волюж, за народ! За Украину! Если уж погибнуть, то лучше с муками, чем в стороне. Ну, Тимофей, выбирай посланца, выстраивай ряды, торопись, пока живая...

Тимофей Гонта склонился и поцеловал огрубевшую в партизанских буднях, когда-то нежную с тонкими розовыми погтями Христину руку.

— Умирай спокойной и счастливой, Христя, — твердо молвил он. — Мы сделаем так, как ты велишь. Большой соблазн лейтенанту Мильктаубе поймать партизанского командира, товарища Б. Он же за это будет требовать чин майора, черный крестик на грудь и отпуск нах фатерлянд. Придет он или не придет — неважно. А завод мы все-таки сожжем. И будет его пепелище памятником твоей славной жизни. Пока сохранится пепелище, будут знать люди, что сожгла завод и не дала немцам сахара Христина Николаевна Бокальчук. А придет снова жизнь, так вторично построим на пепелище сахарный завод, еще больший, и дадим ему, Христя, твое имя. Будет самый крупный в мире сахарный завод имени Христины Николаевны Бокальчук. Давай, милая, записку, я сам посланцем пойду.

Но Христя отвела руку Тимофея.

— Глупый ты, Тимофей. Ты ж теперь командир.



А вдруг немцы не поверят и посланца убьют? Кто поведет дальше отряд? Кто будет директором на сахарном заводе?

— Нельзя Тимофею идти, — загудели партизаны. — Никак нельзя.

— Если доктор вызовется, — сказала Христя, — пусть доктор пойдет. Похоже на правду, — командир умирает и при нем врач.

Партизаны оглянулись на доктора.

Яша встал и застегнул пуговицы на своем обтрепанном ватнике.

— Я вызываюсь, — сказал Яша.

— Спасибо, — прошептала Христя.

— Иди, — протянул Яше Тимофей Гопта сложенное вчетверо письмо Христи.

Яша взял письмо и положил в сумку с хирургическими инструментами. Партизаны молча расступились, чтобы дать ему дорогу.

Несколько тяжелых рук опустились Яше на плечи, с лаской, с пожатием, с искренним приветом. Человек десять двинулось за ним вслед, — проводить до опушки, перекинуться последним словом, обнять. Яша Шлейман перешагнул через кустарник боярышника, пробрался сквозь заросли шиповника и скрылся за густыми ветвями барбариса.

Потом Христя вздохнула и прошептала:

— Идите, собирайте оружие. Оставьте меня с Тимофеем на часок...

— Тимофей, — прошептала Христя, когда на полянке стало пусто, когда затих шорох травы под партизанскими чоботами, когда перед глазами оста-

лось только синее небо и любимое лицо, — вот так побудь со мной и помолчи.

Тимофей Гопта молчал. Он смотрел в высохшее лицо Христи, в ее потемневшие потухшие глаза, на ее сожженные лихорадкой губы. Давно это было — еще в мирное время — он целовал эти глаза, миловал это лицо. Все кончилось. Прощай, любимая, на боевом смертном одре.

Молчала и Христя. Жизнь покидала ее. Но она еще видела над собой широкий, безграничный, вольный шатер родного неба, и в небе над ней, как солнце, стояло любимое лицо.

— Прощай!..

Лейтенант фон Мильктаубе прочитал записку Христи, приказал отрубить руки Яше Шлейману, потом хорошо их забинтовать и чтобы Яша шел впереди и вел его отряд лесными тропами на поляну к умирающему «товарищу Б.». Лейтенант фон Мильктаубе сам повел свой отряд. На сахарном заводе он оставил полсотни охраны с двумя минометами и двумя пулеметами.

От потери крови Яша очень ослабел, и его несли впереди отряда двое фрицев на носилках. На поляну они пришли еще до захода солнца. Христя была жива, лежала одна на своем твердом ложе из динамитных ящиков, покрытых сеном. Справа стоял кувшинчик с кислой водой. В левой руке она держала недокуренную потухшую папироску.

Лейтенант фон Мильктаубе был осмотрителем, опытный вояка. Он выслал на четыре стороны бее-



вую охрану, оставив за собой 4 заставы, а на полянку вышел не просто тропкой, а рассыпав свой отряд цепью и взяв ее в кольцо. Фрицы неожиданно выросли из-за кустов барбариса и сразу появились со всех сторон. И тогда круг немцев сузился и медленно начал подвигаться к Христе. Лейтенант Мильктаубе отделился от цепи, перед ним двое фрицев несли на носилках обессиленного Яшу.

Лейтенант Мильктаубе остановился против Христи в двух шагах и взглянул на фотографию, которую держал в руке. Это была карточка Христи, когда она еще работала телеграфисткой на станции Комаровка. Тогда она была цветущей, ясною, веселой. Но лейтенант Мильктаубе узнал. Это была Христина Николаевна Бокальчук — сомнений быть не могло. Он вынул Христину записку и показал ей.

— Фамилия? — спросил он.

— Бокальчук, — прошептала Христия. — Говорить мне трудно, подойдите ближе.

— Имя? — спросил Мильктаубе.

— Христина.

— Товарищ «Б»?

— Да.

— Что мне писала?

Христия слово в слово повторила свою записку.

Лейтенант фон Мильктаубе снял каску, вынул платок, вытер лоб, отдышался и подошел ближе. Неуловимый атаман Христия лежал перед ним побежденный, сдавшийся на милость победителя. Но оставался еще отряд атамана Христи, и за его истреб-

ление лейтенант Мильктаубе мог надеяться на долгосрочное отчисление в резерв.

Лейтенант Мильктаубе склонился над Христией и сразу начал:

— Эту ночь вы будете в лазарете. Но, пока мы вернемся, вам может стать хуже. Поэтому поговорим сейчас. Что вы имеете сказать мне?

— Пожалуйста, — сказала Христия, — дайте мне прикурить.

Лейтенант Мильктаубе сдунул пепел с сигары и галантно протянул ее Христине. Христия припала губами к своей папироске и затянулась. Легкий дымок на миг обволок ее лицо. Она была бледна, только глаза ее сверкали, как угли. Лейтенант Мильктаубе, с нескрываемым любопытством смотрел на похудевшее, измученное смертельным недугом девичье лицо.

Вдруг по лицу Христи пробежала болезненная гримаса и слабый стон сорвался с ее задымленных губ. Лейтенант Мильктаубе улыбнулся. Еще бы! Газовая гангрена — сепсис. Странно, что в сознании. Крепка, чортова баба! Он во-время успел.

Но лицо Христи свела гримаса не от боли в ранах. Ее слабое и чувствительное тело жег страшный огонь. Огонь быстро пробежал по ее пальцам, ладони, по руке, до локтя. Настоящий огонь — тление бикфордова шнура, протянутого от папироски к ящику по Христиному телу.

И сразу произошел взрыв. Пламя и земля рванулись вверх, вихрь разметал ветви столетних грабов во все стороны. Гром взрыва покати́лся лесом в долину.



1141

Но динамитный дым расходится быстро. Едва осыпавшись вниз подхваченная взрывом земля, на поляне снова стало ясно. Поляны уже не существовало. Была только неглубокая и широкая воронка; на взрывленной земле, между глыбами почвы и кусками черного дерна и следа не осталось от Христи, Яши Шлеймана, лейтенанта Мильктаубе и доброй трети его отряда. Остальные фрицы разбежались кто куда, в заросли, в чащу... Но там их догнал отзвук еще одного, далекого взрыва. Партизанский отряд с Тимофеем Гоптой взорвал сахарный завод имени Третьей пятилетки.

Перевод с украинского  
Т. СТАХ